

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Москва 2021

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ИСЛАМСКОГО МИРА

Ответственный редактор серии
академик РАН
А. В. Смирнов

Переводы

Том 4

МАХМУД ШАБИСТАРИ

«ЦВЕТНИК ТАЙНЫ»

(персидский текст поэмы,
перевод, комментарий)

Перевод, комментарий, предисловие *А. А. Лукашева*

Ответственный редактор тома
кандидат филологических наук
Н. Ю. Чалисова

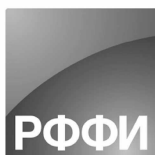

Москва 2021

УДК 141.336 + 28-9

ББК 86.383

Ш12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 20-111-00091, не подлежит продаже

Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН

Рецензенты:

докт. филол. наук, проф. М. Л. Рейснер,
докт. филос. наук, проф. М. Т. Степанянц

Шабистари, Махмуд

Ш12 Цветник тайны (персидский текст поэмы, перевод, комментарий) /
А. А. Лукашев; отв. ред. Н. Ю. Чалисова. — М.: ООО «Садра», 2021. —
360 с. — (Философская мысль исламского мира: Переводы. Т. 4).

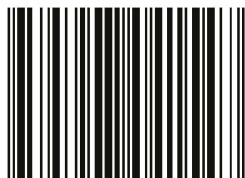
ISBN 978-5-907041-54-7 16+

Поэма Махмуда Шабистари «Цветник тайны» является одним из классических суфийских сочинений. На протяжении многих веков она была важным источником для многих исламских мистиков и оказала влияние на развитие философии эпохи Сефевидов. Сочинение не утратило своего значения в Новейшее время: выдающийся мыслитель и реформатор ислама Мухаммад Икбал стал автором поэтического ответа на это произведение, а религиозные лидеры послереволюционного Ирана упоминали поэму в своих работах и читали курсы лекций, посвященные шедевр Шабистари. Настоящее издание включает персоязычный текст поэмы в редакции Казима Дизфулийана, перевод этого текста и подробный комментарий с разъяснением всей специальной терминологии, сложных мест, персоналий и значимых разночтений в изданиях.

УДК 141.336 + 28-9

ББК 86.383

ISBN 978-5-907041-54-7

9 785907 041547

© Институт философии РАН, 2021

© Лукашев А. А., 2021

© ООО «Садра», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	11
Толкования к поэме	13
О переводе	25

Цветник тайны

Во имя Бога, Милостивого, Милосердного	32
Причина составления книги	44
Вопрос первый	52
Ответ	52
Аналогия	60
Вопрос второй	66
Ответ	66
Аналогия	72
Правило 1	82
Правило 2	92
Правило размышления о горизонтах [небес].	96
Аналогия	106
Правило размышления о душе	110
Вопрос третий.	120
Ответ	120
Вопрос четвертый.	128
Ответ	128
Правило 1	130
Аналогия	136
В продолжение ответа на вопрос четвертый о совершенном человеке.	138
Аналогия	140
Правило 2	144
Аналогия	146

Вопрос пятый	152
Ответ	152
Вопрос шестой	158
Ответ	158
Аналогия	162
Вопрос седьмой	166
Ответ	166
Аналогия	172
Вопрос восьмой	176
Ответ	176
Аналогия	180
Вопрос девятый	188
Ответ	188
Вопрос десятый	202
[Ответ]	202
Аналогия	204
Правило	212
Аналогия	218
Вопрос одиннадцатый	224
Ответ	224
Аналогия	228
Правило	238
Вопрос двенадцатый	244
Ответ	244
Вопрос тринадцатый	250
Ответ	250
Указание посредством ока и уст	258
Указание посредством локона	264
Указание посредством лика и пушка	268
Указание посредством родинки	272
Вопрос четырнадцатый	276
Ответ	276
Указание посредством развалин	288
Вопрос пятнадцатый	298
Ответ	298
Указание посредством зундара	304

Указание посредством христианства	316
Пример.	318
Указание посредством христианского юноши.	330
Библиография	342
На западных языках	342
На русском языке	342
На персидском языке	346
На арабском языке	347
Указатель исторических личностей и мифологических персонажей	350
Указатель иноязычных терминов	353
Summary.	359

Посвящается моим наставникам

Слово «понимание» коварно. Невольно навязывается представление, что это однократный, исчерпывающий акт: понимание представляется как окончательное и безусловное знание. В действительности это путь в бесконечность. Честность заключается в том, чтобы указать степень и направление приближения. Понимание можно представить себе как сеть истолкований и переводов разной степени приближенности. Именно их многочисленность и взаимная контрастность определяют уровень понимания.

(Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века))

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэма Махмуда Шабистари «Цветник тайны» представляет собой важную веху в развитии средневековой исламской мысли. Это произведение в его историко-философском и культурном контекстах рассмотрено нами в отдельной работе «Мир смысла в немногих словах...». Там приводится максимально полная и подробная информация о жизни и творчестве поэта, о традициях, в контексте которых он создавал свои произведения (поэтическая, поэтологическая, суфийская теоретическая), о системности в философских взглядах Махмуда Шабистари.

Здесь же мы ограничимся кратким разъяснением того, как поэма вошла в русло европейского востоковедения, подробно рассмотрим традиции комментирования и исследования «Цветника тайны» в Иране. Речь также пойдет о том, как «сделан» тот текст, который уважаемый читатель сейчас держит в руках.

Внимание западных востоковедов «Цветник тайны» впервые привлек в XVIII в., когда французские путешественники Шарден и Бернье познакомили научные круги с поэмой как с «собранием премудростей». В 1821 г. А. Толук перевел отрывки из произведения в своей книге «Суфизм или персидская пантеистическая теология» [Tholuck 1821]. Позже, в 1825 г., появился перевод трети поэмы на немецкий язык под названием «Антология восточной мистики». В 1838 г. в Лейпциге был издан немецкий поэтический перевод поэмы, сделанный Йозефом фон Хаммер-Пургшталем [Hammer-Purgstall 1838]. Издание включало в себя персидский текст и наиболее авторитетный классический комментарий поэмы, принадлежащий перу Мухаммада Лахиджи. Книга сопровождалась предисловием переводчика, краткой биографией Шабистари, а также общими сведениями по суфизму. Тот же персидский текст был пересмотрен и дополнен несколькими рукописями, обнаруженными Хаммером. Он был издан А. Х. Уинфилдом в Калькутте в 1876 г. и переиздан в 1978 г. [Wienfield 1878]. В Англии он был вновь издан с английским переводом, комментарием и предисловием самого А. Х. Уинфилда [Wienfield 1880], причем этот перевод до сих пор

считается одним из лучших английских переводов поэмы [Lewisohn 1995: 15]. Эту работу мы использовали наряду с персоязычными изданиями и толкованиями к поэме Шабистари.

Перевод Уинфилда оказался настолько удачным, что на многие годы закрыл вопрос о повторном англоязычном переводе поэмы.

В 1920 г. Ледерер перевел «Цветник тайны» на английский язык, но, в отличие от предыдущих авторов, сделал не просто перевод, а собрал отдельные высказывания Шабистари о движении, времени, христианстве и язычестве, о реальном и нереальном, добре и зле, о суфийской образности.

Наряду с ним существует и другой английский перевод *Гулишан-и рāз*, сделанный Джонсон-Пашой и опубликованный в Лондоне вместе с рубаи Омара Хайяма в 1969 г. [Shabistari 1969].

В 2007 г. вышел еще один перевод поэмы на английский язык, выполненный Робертом Абдул Хайй Дарром [Darr 2007], много лет изучавшим суфизм и исламскую миниатюру в различных уголках исламского мира. Этот перевод обладает бóльшим изяществом, чем работа Уинфилда, хотя и проигрывает ему, с нашей точки зрения, в точности. Текст Хайй Дарра также был использован в нашей работе по переводу поэмы на русский язык.

В 1959 г. в Париже поэма *Гулишан-и рāз* была переведена на французский язык [Исмаилов 1977: 43]. Существуют также переводы «Цветника тайны» на языки: урду, турецкий, азербайджанский и др.

Большой интерес представляет комментированное издание поэмы на таджикском языке, подготовленное Ш. Суфизода [Шабистари 2015]. Оно опирается на более ранние таджикоязычные переводы поэмы и толкования к ней, принадлежащего перу Мухаммада Лахиджи. Автор комментария также использует целый ряд других персоязычных толкований, как классических, так и современных. Комментарий Суфизода отличается подробностью рассмотрения сложной терминологии и может быть весьма полезен для исследователя.

На русский язык отрывки из поэмы были ранее переведены Е. Э. Бертельсом [Бертельс 1965]. Существует и полный перевод поэмы на русский язык, сделанный азербайджанским исследователем Шаигом Исмаиловым. Этот перевод был издан в 1976 г. в Баку [Шабистари 1976]. Ввиду того, что, на наш взгляд, он не вполне адекватно передает смысл поэмы (перевод неточен, некоторые отрывки не поддаются пониманию, отсутствует комментарий сложных мест), мы подготовили собственный перевод памятника. Кроме того, творчеству Шабистари была посвящена монография Исмаилова «Философия

Махмуда Шабустари», где автор, привлекая богатый материал (как произведения самого Шабистари, так и западные работы, посвященные ему), делает попытку рассмотреть весь комплекс философских взглядов поэта.

Неоспоримым достоинством работы Исмаилова является привлечение широкого круга источников, в том числе редких рукописей из библиотек среднеазиатских государств и Великобритании. Однако философская составляющая несет на себе глубокий след эпохи (60–70-е гг. XX в.) со всеми соответствующими ей идеологическими импликациями, и эта книга во многих отношениях устарела.

Первое критическое издание «Цветника тайны», основанное на материале 10 различных рукописей, было опубликовано в Тегеране Джавадом Нурбахшем в 1975 г. Через десять лет вышло собрание сочинений Шабистари, подготовленное к печати Самадом Муваххидом и включавшее в себя в том числе и «Цветник тайны» [Шабистари 1365]. На настоящий момент мы располагаем несколькими критическими изданиями поэмы, наиболее важными из которых являются тексты, подготовленные К. Дизфулийаном, А. Муджахидом и М. Кийани.

Кроме того, Махмуду Шабистари и его поэме «Цветник тайны» посвящены монографии Леонарда Льюисона «За верой и неверием» и Самада Муваххида «Махмуд Шабистари».

Толкования к поэме

Наряду с изданиями и переводами поэмы на настоящий момент на персидском языке существует более сорока толкований к поэме, написанных как классическими, так и современными авторами [Шабистари 1389: 41], наиболее полный список которых, включающий двадцать девять комментариев-*шархов*, опубликован Казимом Дизфулийаном в вводной части к его комментированному изданию «Цветника тайны». Это издание стало для нас основным при переводе поэмы на русский язык.

Начиная с XV в., когда был составлен первый комментарий к поэме Махмуда Шабистари, принадлежащий перу Шейха Рухбахшана Бадахшани — преемника Шейха Мухаммада Нурбахша (основателя ордена Нурбахшия), практически ни одно столетие не обходилось без появления нового толкования поэмы. В том же XV в. был составлен другой комментарий — Саййида Мухаммада Мадини Нишабури — ученика классика персидской поэзии Касема Анвара [Там же].

Наиболее ранним из доступных для исследователя комментариев является текст *шарха*, написанный Саин ад-Дином Али Турка Исфакхани. Он был издан Казимом Дизфулийаном в 1997 г. [Турка 1375]. Саин ад-Дин Али Турка был ученым и философом XV в., заложившим методологические основы для философии эпохи Сефевидов. Его творчество оказало существенное влияние на таких авторов, как Мир Дамад, Мулла Садра, Мир Финдариски и др. [Шабистари 1389: 45]. Более всего он известен как автор трактата «Введение в толкование правил единобожия» (*Тамхид фи шарх-и қавъид ат-тавхид*), представляющего собой толкование трактата «Правила единобожия», принадлежащего перу Фадл ад-Дина Мухаммада Турка.

Кроме комментария к «Цветнику тайны», Саин ад-Дин Турка является автором шестнадцати трактатов в разных областях исламской мысли¹, в том числе и комментария к «Геммам мудрости» Ибн Араби [Турка 1378]². Доступен ряд его трактатов, в частности «Трактат завершения» (*Рисāла-и анджām*), опубликованный Ибрахимом Дибаджи [Шабистари 1389: 154–181]. Характерной чертой самого *шарха* Дизфулийан считает его перегруженность арабизмами: автор не только весьма активно использует арабскую терминологию, но зачастую в своих объяснениях и вовсе переходит на арабский. Вместе с тем Дизфулийан отмечает, что в ряде случаев Саин ад-Дин Турка, напротив, пишет довольно простым языком [Там же: 46–47]. Также показательным является значительное число отсылок в этом *шархе* к творчеству Аттара, Руми, Ираки и Касима Анвара [Там же: 47], что говорит о его восприятии творчества Шабистари как части традиции, к которой принадлежали упомянутые авторы. Кроме того, этот *шарх* — неполный: не все бейты поэмы получили свое объяснение в рамках данного текста [Там же].

Следующим по хронологии (тот же XV в.) идет *шарх* Низам ад-Дина Махмуда бин Хасана аль-Мухсани (1407/08–1465/66), известного также как Шах Даи (Шах призывающий), или ад-Даи ила Аллах (Призывающий к Богу), или просто «Даи» (Призывающий). Это сочинение было названо «Дуновения [из] “Цветника”» (*Насā’им Гулиан*). Оно было издано в 1999 г. Парвизом Аббаси Дакани [Даи 1377].

¹ Четырнадцать трактатов изданы в одном томе [Турка 1351]. Отдельно изданы «Выравнивание в толковании правил единобожия» [Турка 1376], перевод «Книги о религиях и сектах» аш-Шахрастани и толкование к «Цветнику тайны» Махмуда Шабистари [Турка 1375].

² См. [Дибаджи: 156].

Отличительной чертой данного толкования является, в первую очередь, его организация: Шах Даи не идет в комментировании от бейта к бейту, от вопроса к вопросу. Он делает довольно большую выборку вопросов, значимых для понимания «Цветника тайны», и рассматривает их в отдельных главах, что свидетельствует о высокой степени творческого осмысления поэмы. *Шарх* выстроен тематически, в нем рассматривается проблематика единобожия, учение о единстве бытия, суфийская гносеология, соотношение единого и множественного; объясняются такие важные для Шабистари концепты, как зеркало небытия, тайна Симурга и горы Каф, *фанā*, *бақā* и др. Неоспоримым достоинством данного издания является текст исследования, который предпосылается толкованию. Парвиз Аббаси Дакани приводит доступные данные по жизни и творчеству Махмуда Шабистари, толкования его поэмы. Особое внимание он уделяет личности заказчика произведения и, конечно, рассматривает личность самого Шаха Даи, его комментарии к поэме Шабистари. Автор довольно подробно рассматривает также вопрос о том, насколько велика авторская составляющая в этом комментарии. Действительно, работа названа не «Комментарий к «Цветнику тайны»», а «Дуновения [из] «Цветника»». Это свидетельствует о том, что автор не претендует на роль лишь комментатора, но заявляет о своем творческом подходе к произведению. Следует отметить и честность позиции самого Шаха Даи, который отмечает, в каких вопросах он расходится во взглядах с Шабистари, вместо того чтобы вчитывать в текст «Цветника тайны» свои философские предпочтения [Даи 1377: 97–98]. Также Парвиз Аббаси Дакани на основании того, что Шах Даи жил раньше Лахиджи, выдвигает предположение, что этот *шарх* мог быть использован Мухаммадом Лахиджи при составлении его текста [Там же: 99], что, конечно, является универсальным доводом, который трудно опровергнуть.

Кроме того, в отличие от более раннего текста Турка, сочинение Даи менее арабизировано, однако содержит немало отсылок как к Корану и хадисам, так и к произведениям классиков суфийской поэзии — Руми, Ниматуллы Вали, Ираки, Касима Анвара и др. [Шабистари 1389: 51]. Вместе с тем Дизфулийан все же отмечает сложность языка Даи, характеризуя его текст как малопонятный в отдельных местах даже современному иранскому исследователю [Там же].

Сам Шах Даи принадлежал к роду алидов. После получения образования он примкнул к ученикам известного суфийского шейха Муршид ад-Дина Абуисхака Бахрани, который сам относился к ученикам Шаха Ниматуллы Вали и представлял орден Ниматуллахи

в Ширазе, а после смерти Муршид ад-Дина Абуисхака Бахрани сменил его в качестве духовного наставника суфиев этого ордена. Он является автором примерно восьмидесяти книг в разных областях исламской культуры, и сочинение «Дуновения [из] “Цветника”» относится к лучшим образчикам его творчества. Известны также такие его произведения, как поэма «Книга мест свидетельства» (*Kitāb ал-машāхид*) объемом более 500 бейтов, поэма «Клад души» (*Гандж-и равāн*) объемом более 700 бейтов, поэма «Сорок рассветов» (*Чихил сабāх*) объемом более 700 бейтов, поэма «Чахарчаман» объемом более 900 бейтов и др. [Диххуда, сл. ст. داعى]³.

Общепризнанной вершиной комментаторской традиции текста Шабистари является сочинение «Ключи к тайнам в толковании “Цветника тайны”», принадлежащее перу Шейха Мухаммада бин Йахьи бин Али Гилани Лахиджи. Этот *шарх* — наиболее полный и признанный исследователями из всей традиции комментирования «Цветника тайны». В отличие от авторов более ранних текстов, он дает подробное толкование каждому бейту поэмы. При этом Лахиджи старается привести все возможные толкования и все возможные коранические и поэтические аллюзии. Этот комментарий оказался настолько подробен, что позднейшие комментаторы в большей или меньшей степени опирались на сочинение Лахиджи, не сказав ничего принципиально нового, а большинство последующих исследователи поэмы непременно обращались к его комментарию. Более того, этот комментарий до сих пор является единственным, где дано толкование каждого бейта (даже современные комментаторы, такие как, например, Б. Сарватийан, зачастую дают объяснение отрывкам текста, включающим в себя несколько бейтов).

Также важной чертой *шарха* является обращение к большему числу персоязычных поэтических источников, чем у его предшественников (в нем приводятся цитаты Санаи, Аттара, Марагаи, Мавлави, Ираки, не говоря уже о творчестве самого Лахиджи, которое также активно цитируется в *шархе* [Шабистари 1389: 55]). Кроме того, в комментарии много отсылок к другим произведениям Шабистари, что говорит о глубоком знакомстве Лахиджи с творчеством комментируемого автора.

Наряду с «Ключами к тайнам...» Лахиджи является автором поэтического дивана, известного как «Диван Асири», и поэтического

³ Полный текст этих поэм опубликован в двухтомном издании [Шах Даи 1339].

трактата «Тайны свидетельства» (*Асрār аш-шухūd*), отрывки из которого он приводит и в своем толковании поэмы Шабистари.

Сам Лахиджи принадлежал к кругу учеников Саййида Мухаммада Нурбахша и являлся одним из наиболее известных шейхов его *тарйқата*. Он также был ревностным шиитом и всегда носил черное одеяние в память об имаме Хусайне. Лахиджи приложил немало усилий для продвижения *тарйқата* Нурбахшийя в Ширазе и даже открыл там ханаку, известную под названием «Ханака нурийя».

Следующим по хронологии из использованных Дизфулийаном (его издание легло в основу нашего перевода) стал *шарх* Хусайна Ходжи Шараф ад-Дина Абд ал-Хакка Ардабили (1465/66–1543/44), известного также под именем Илахи. Его учителями были выдающиеся мыслители того времени — Шейх Азиз ад-Дин Али Амали и Сафи ад-Дин Ардабили. Он был приближен к султану Хайдару Сафави и был близко знаком с такими учеными, как Джалал ад-Дин Давани, Амир Гийас ад-Дин Ширази, Амир Джамал ад-Дин Атаулла бин Фазлулла. Часть своей жизни он провел в Герате, где общался с Амиром Алишером Наваи, а в 1496/97 переехал в Азербайджан. Позже он вернулся в Ардебиль, где преподавал при ордене Сафавие — последователей шейха Сафи ад-Дина Ардабили [Шабистари 1389: 56–57].

Илахи Ардабили обладал весьма широкой эрудицией не только в области исламских наук, но и в медицине. После себя он оставил тридцать томов сочинений в различных областях знания. Особой заслугой Илахи Дизфулийан считает то, что он стал первым, кто начал писать сочинения по шариатским наукам в шиитской интерпретации на персидском языке [Там же: 57].

Издатели его толкования к «Цветнику тайны» приводят описание тридцати одного произведения Илахи⁴, среди которых есть сочинения по шариату, математике, переводы с арабского на персидский (напр., работы Саййида бин Тавуса «Сердца призвания и путь поклонений»), краткое изложение *Китāб ат-тахрīр* («Книга освобождения») Насир ад-Дина Туси (которое представляет собой пересказ «Начал» Евклида на арабском), а также целая серия комментариев-заметок (*хāшшийа*), в том числе к тем же «Началам».

Он является также автором первого полного персоязычного толкования Корана, известного как «*тафсīр* Илахи», его перу принадлежит и арабоязычный коранический *тафсīр*.

⁴ См. [Илахи 1376: С. тридцать–тридцать восемь].

Илахи реализовался и как поэт: он стал автором поэтического дивана объемом около двух тысяч бейтов⁵, который в настоящее время утерян, и мы располагаем лишь косвенными данными о нем. Таким образом, его толкование поэмы Шабистари является одновременно и его единственным сохранившимся поэтическим произведением.

Этот комментарий к поэме «Цветник тайны» заслуживает особого внимания. Хотя его предшественник Лахиджи, казалось бы, предложил исчерпывающий комментарий памятника, заслуга Илахи Ардабили заключается в том, что он предпослал своему толкованию обширное и содержательное предисловие, где информативно, но в сжатой форме рассматриваются наиболее важные вопросы исламской философии (напр., соотношение возможного и необходимого, множественные проявления единого, место человека в мироздании и пр.); также интерес представляет глава, посвященная *'urfānu* как отдельной науке об Абсолютном Бытии и его совершенном единстве. Вводная часть, которой Ардабили предваряет свое толкование, может рассматриваться как самоценное сочинение и источник средневековой исламской мысли [Илахи 1376: 1–19].

Как Дизфулийан, так и издатели *шарḫа* Илахи отмечают, что он ощутил сильнейшее влияние текста Лахиджи, на который Илахи, несомненно, опирался [Там же: «двадцать»; Шабистари 1389: 57]. Однако автор постарался дать толкование, которое содержательно не расходится с текстом Лахиджи, более простым языком, избегая, по возможности, арабизмов и даже стараясь переводить приведенные высказывания суфийских шейхов с арабского на персидский [Там же: 169].

Подобно предшественникам Лахиджи, он не стремится объяснить каждый бейт, объединяя многие бейты в смысловые блоки и давая комментарий к отрывкам, содержащим несколько бейтов. По утверждению Дизфулийана, 220 бейтов поэмы и вовсе остались без комментария [Там же: 60]. Также отличительной чертой памятника является стремление автора, где возможно, в поэтической форме толковать произведение Шабистари: общее число бейтов поэтического комментария близко к двум тысячам [Там же], что, с одной стороны, превышает в два раза объем толкуемого произведения, а с другой — добавляет художественной ценности самому толкованию. Существует критическое издание трактата, подготовленное на основании трех рукописей Мухаммад-Резой Баразгаром Халики и Иффатом Карбаси

⁵ См. [Там же: тридцать шесть].

[Илахи 1376]. Тексту предпослано обширное исследование, где подробно рассмотрены не только «Цветник тайны» и личность его автора, но и жизненный путь, творчество Илахи Ардабили, его интеллектуальное окружение, исторические реалии, в которых протекала жизнь ученого.

Илахи является автором и других *шархов*, например, *шарха* к работе «Утверждение необходимого» Джалал ад-Дина Давани, *шарха* к сочинению «Руководство разумов к укреплению веры» Хасана ибн Йусуфа Алама Халли, являющегося одним из наиболее значимых сочинений по шиитскому *фикху*. Эта работа оказала и сильнейшее влияние на другое сочинение Илахи в области исламского права — «Выборка из фикха» (*Хулāсат ал-фикх*), в котором, по сути, переведены отрывки из сочинения Хилли [Там же: «тридцать семь»].

Последним значимым *шархом* из ранней традиции комментирования является толкование «Цветника тайны» шейха Баба Ниматуллы бин Махмуда Нахдживани (ум. 1514/15), известного как Шейх Ульван. Он принадлежал к ордену Накшбандийа. Кроме *шарха* к поэме Шабистари Шейх Ульван оставил после себя ряд сочинений на арабском языке: *тафсīр* к Корану «Божественные открытия и тайные ключи» (*ал-Фавāтих ал-Илāхиййа ва ал-мафāтих ал-зайбиййа*), «Трактат о бытии», «Ведение братьев [по правильному пути]» (*Хидāйат ал-ихвāн*), комментарии к «Геммам мудрости» Ибн Араби и «Светам ниспослания и тайнам толкования» Кади Бадави Ширази [Шабистари 1389: 62].

Комментарий к поэме Шабистари «Цветник тайны» Шейха Ульвана до сих пор не получил критического издания, и исследователи располагают лишь его рукописным экземпляром из библиотеки Тегеранского университета. Этот текст представляет собой короткие комментарии, причем далеко не к каждому бейту, однако его достоинством является то, что в нем дается объяснение ряда терминов, которые были оставлены без внимания в других *шархах* [Там же: 63].

Имеется также пласт комментариев, подготовленных исмаилитскими авторами, которые предложили специфическое исмаилитское прочтение поэмы «Цветник тайны», включив ее в комплекс своих текстов.

В 1961 г. Анри Корбен издал анонимное исмаилитское толкование «Цветника тайны» [Corbin H. 1961]. Само толкование невелико по объему: 28 страниц по 14 строк почерком насталик. Сочинение озаглавлено «Некоторые толкования (*та'вилāt*) “Цветника тайны” Махмуда Шабистари». Текст вполне может иметь не одного автора, а быть собранием исмаилитских толкований отдельных отрывков

поэмы. Учитывая общую закрытость исмаилитского учения, можно предположить, что это толкование может быть собранием отрывков из неизвестных до сего дня текстов, представлявших исмаилитскую традицию комментирования «Цветника тайны». Доступный же нам текст весьма скуп. Чаще всего комментарий ограничивается одной фразой после продолжительного цитирования Махмуда Шабистари. Часто выбираются различные фразы памятника из разных мест сочинения. Порядок комментария не совпадает с порядком бейтов в поэме. В тексте приводится приблизительно 175 отрывков из «Цветника тайны», которые исмаилитский автор цитирует или комментирует.

Также Корбен отмечает в тексте большое количество орфографических ошибок, многие фразы сочинения не закончены, будто автор не имел достаточно времени, чтобы все записать. Многие цитаты на арабском, фрагменты коранического текста и хадисов настолько отрывочны, что их трудно идентифицировать. Коранические цитаты обычно даются как речь Имама [Corbin H. 1961: 26].

Ссылаясь на В. А. Иванова, Корбен относит этот текст к Бадахшану или Центральной Азии. Комментатор использует термины *nāṭiq*, *asās*, *худджат* во множественном числе, что является характерным для фатимидского исмаилизма. В то же время такой трактат, как «Семь глав», или «Семь врат» (*Хафт бāб*), Абу Исхака Кухистани говорит о том, что эти термины в восточном исмаилизме (аламутской традиции) использовались по-другому [Ibid.: 25–26].

Само указание на то, что это сочинение принадлежит к жанру *ta'wīl*, говорит о том, что его авторы претендовали на то, чтобы открыть читателю сокровенный смысл произведения, в действительности же предложить ему специфическую исмаилитскую трактовку. В исмаилитской традиции *ta'wīl* понимается как особое толкование, которое осуществляет имам при поддержке Первого Разума. Это толкование относится к тексту Корана, как форма к материи. Таким образом, с точки зрения нормативного исмаилитского учения, отраженного, в частности, в трудах ал-Кирмани, Коран сам по себе не может быть адекватно понят верующим, без богооткровенного толкования (*ta'wīl*) из уст имама.

Конечно, зачастую цель такого толкования — не столько разъяснение толкуемого текста, сколько преподнесение исмаилитского учения. То же самое можно сказать и о данном толковании «Цветника тайны». Неверно было бы пытаться исследовать текст Шабистари, используя его как источник, однако это толкование имеет неоспоримую ценность само по себе и способно многое сказать не о произведении

Шабистари, а об особенностях исмаилитского учения и его отличиях от суфизма, при условии, что поэма Шабистари предварительно будет изучена с использованием суфийских комментариев, и прежде всего текста Лахиджи.

Следует отметить, что внимание исмаилитов к произведению Шабистари не было случайным. Текст поэмы дает вполне пригодную почву для исмаилитского толкования по нескольким причинам. Во-первых, в тексте «Цветника...» нет прямой критики шиизма. В другой поэме Шабистари — «Книге о счастье», конечно, приводится восхваление четырех праведных халифов, что, как мы отмечали выше, является сильным доводом в пользу его приверженности суннизму. Более того, чрезвычайно резкой критике там подвергается учение одного из классиков исмаилитской мысли — Насира Хосрова. Тем не менее сочинения Шабистари вполне могли не рассматриваться исмаилитскими авторами комплексно, им вполне могло быть достаточно того, что в поэме «Цветник тайны» не было прямой критики исмаилизма, а это уже открывало простор для ее использования в исмаилитской среде.

При этом сам метод аллегорического толкования *та'вйль*, которому исмаилитские авторы подвергли поэму Шабистари, широко использовался в суфизме⁶. Не был он чужд и самому Шабистари. Последний считал, что метод *та'вйль* лежит в основе механизма формирования суфийской образности:

724. Когда же человек сердца толкует (*тафсйр*) смысл,
Он выражает смысл через уподобление.
725. Ведь чувственно воспринимаемые [вещи] —
как тени того мира,
Так что этот [мир], как ребенок, а тот —
словно кормилица.
726. По-моему, сами толкуемые слова (*муа'евал*)
С первого слова были приложены к тому смыслу.
727. В обычном употреблении они характерны
для чувственно воспринимаемых [вещей],
[Но] что знают обычные [люди] о том, каков тот смысл?!
728. Когда заглянули в мир разума,
Оттуда перенесли слова.

⁶ См., напр., [Пазуки 2016: 328–334].

Соответственно, и в таком подходе исмаилитских авторов к толкованию поэмы мы не склонны видеть нечто принципиально чуждое мировоззрению Шабистари, что, тем не менее, не позволяет воспринимать это толкование как вполне адекватное учению средневекового мыслителя.

Как бы то ни было, комментарии исмаилитов, Лахиджи, его современников — такие же средневековые тексты, как и сама поэма Махмуда Шабистари. Таким образом, при всех их достоинствах актуальность новых комментариев не была исчерпана. Хотя, по мнению Дизфулийана, позднейшие комментаторы не сказали ничего принципиально нового в исследовании и понимании текста Шабистари, в них, в значительной степени, повторялось то, что было сказано в ранних комментариях [Шабистари 1389: 45] (в первую очередь, в комментарии Лахиджи). Более поздние комментаторы стремились к наиболее простому и понятному изложению содержания поэмы, что в отдельных случаях может быть полезно исследователю, рассматривающему традицию извне.

Определенной известностью пользуется также и *шарх* Мухаммада Ибрахима Сабзавари [Сабзавари 1386], составленный незадолго до падения династии Каджаров. Сабзавари жил на рубеже XIX и XX вв. (ум. 1939/40) и получил известность как иранский исламский мыслитель начала XX в., автор толкования к важным шиитским источникам, в частности к книге «Свиток [молитв] имама Саджада». *Шарх* Сабзавари мы использовали наряду с другими изданиями для выявления разночтений. Мухаммад Ибрахим Сабзавари был учеником известного исламского философа XIX в. Муллы Хади Сабзавари. Этот *шарх* написан доступным языком и прост для восприятия. Его отличительной чертой является то, что комментарий дается не к каждому отдельному бейту или группе бейтов, а на основании текста Шабистари рассматриваются основные вопросы суфийской мысли. В этом он близок *шарху* Шаха Даи. В их *шархах* даже совпадают названия отдельных глав, например, главы о совершенном человеке, Симурге и горе Каф, о единстве бытия.

Среди наиболее поздних комментариев к поэме «Цветник тайны» следует упомянуть и *шарх*, написанный Мухаммадом Хусайном Табатабаи (1903–1981) «Тайна сердца: толкование к поэтическому сочинению “Цветник тайны”, сочиненному Наджм ад-Дином шейхом Махмудом Шабистари» [Табатабаи 1383]. Данное толкование существенно уступает тексту Лахиджи в подробности: комментарий дается на группы бейтов, а не на каждый бейт, как у Лахиджи. В этом нет

ничего удивительного, поскольку текст не был задуман именно как толкование «Цветника тайны». Данная книга — материалы бесед Табатабаи с учениками по вопросам духовной жизни. Соответственно, и в комментарии приводятся не только слова учителя, но и реплики его ученика — составителя книги, Али Са‘дат Пируза. Таким образом, этот текст — скорее источник по изучению взглядов Табатабаи, нежели Шабистари; для Табатабаи текст «Цветника» был в значительной степени поводом для обсуждения с учениками важных вопросов метафизики. При этом автор стремится насытить текст цитатами из Корана и хадисов, к которым, по его мнению, апеллировал Махмуд Шабистари. В отборе хадисов Табатабаи ориентируется преимущественно на шиитскую традицию, что также является отличительной чертой данного *шарха*.

Некоторое сходство с толкованием Табатабаи обнаруживает комментарий к поэме, написанный его учеником — известным современным иранским философом и литературоведом — Гуламхусайном Ибрахими Динани [Динани 1395]. Как и текст Табатабаи, толкование Динани представляет собой конспект лекций, посвященных изучению «Цветника тайны». И хотя тексты Табатабаи и Динани при исследовании поэмы стоит использовать с осторожностью, сами по себе они являются важными памятниками современной иранской мысли.

Последней страницей в комментировании поэмы Махмуда Шабистари стали комментарии, сделанные Казимом Дизфулийаном и Бихрузом Сарватийаном. Они оба активно используют толкование Лахиджи, но первый стремится дать одновременно предельно полное толкование и современный взгляд на произведение Шабистари, в то время как второй предлагает «простой» комментарий, предназначенный прежде всего для образовательных целей. В нем, наряду со смысловым комментарием, встречается разбор филологических трудностей, что также является большим подспорьем для исследователя.

Несмотря на довольно богатую традицию комментирования поэмы Шабистари и превосходство трактата Лахиджи, который предельно высоко поставил планку в этой работе, на наш взгляд, Дизфулийану удалось вписать новую страницу в историю изучения памятника. В отличие от Сарватийана, который пошел по пути популяризации памятника за счет простоты и доступности комментариев, Дизфулийан предпринял попытку терминологического рассмотрения трактата. Если Лахиджи в своем толковании идет от бейта к бейту, то Дизфулийан сделал акцент на разъяснении терминологии (здесь ему, очевидно, хорошую службу сослужил комментарий Шейха Ульвана, рассмотренный выше):

комментируя поэму, он идет от термина к термину, предельно детализируя таким образом свой комментарий. Эта работа была бы невозможна без привлечения широкого круга текстов, как принадлежащих самому Шабистари, так и его комментаторам. В основу критического издания были положены *шарх* Турка, Шаха Даи, Лахиджи, Илахи и Шейха Ульвана, в тексте приведены все разночтения. Комментарий же, в силу того, что автор сделал акцент на терминологии, представляет большую ценность для любого исследователя суфийской мысли. Он оказывается, по сути, словарем средневековой исламской культуры, привязанным к тексту «Цветника тайны», который сам выполнял аналогичную функцию в XIV в. И *шарх* Дизфулийана, и толкование Сарватийана базируются на критическом издании текста поэмы, что выгодно отличает их от собрания сочинений Шабистари, выпущенного Самадом Муваххидом в 1987 г.

Несмотря на то, что издание Муваххида не является критическим, оно включает в себя большинство доступных произведений Шабистари, за исключением немногих, которые приписываются его перу, но не атрибутируются ему несомненно. Тем не менее в тех местах, где есть разночтения в рукописях поэмы, Самад Муваххид в большинстве случаев предлагает наиболее распространенное чтение спорных мест, выбранное большинством издателей сочинения. Это отличает его работу от текста Дизфулийана, который зачастую предлагает чтения, отвергнутые другими издателями и толкователями (напр., Муджахидом / Кийани, Лахиджи, Сарватийаном). Неоспоримым же достоинством работ Муваххида является подробное рассмотрение учения и биографии Шабистари, которые можно почерпнуть как из введения к собранию сочинений средневекового поэта, так и из отдельного монографического исследования, посвященного его творчеству⁷. Эти работы стали хрестоматийными и в европейском востоковедении, в частности, очевидно, с опорой на исследование Муваххида написаны отдельные части монографии Леонарда Льюисона «За верой и неверием», посвященной Шабистари.

Обилие цитирований и толкований к поэме, написанных выдающимися мыслителями своего времени, является важным показателем значимости и самой поэмы. Как видно из текста главы, все эти авторы были частью той традиции, к которой принадлежал и Шабистари.

⁷ Начиная с текста Лахиджи большинство упомянутых комментариев и изданий были использованы нами при переводе памятника с приведением всех значимых для смысла разночтений.

Все они творили в рамках парадигмы, заданной откровением единобожия и зафиксированной в основных текстах ислама (Коран, хадисы). Неслучайно многие из этих авторов известны, в первую очередь, не как толкователи поэмы Шабистари, а как знатоки Корана, хадисов, *фиқха* и других исламских дисциплин. Даже исмаилитские авторы, используя методологию толкования Корана — *та'виль*, смогли включить поэму Шабистари в свою традицию, что свидетельствует об общей связанности пространства исламской культуры за счет апелляции к ее основным текстам.

О переводе

Основное содержание настоящего тома — перевод поэмы «Цветник тайны».

Перевод никогда не бывает абсолютно адекватным. Переводчик, подобно Ахиллесу, который не догоняет черепаху, не может дать перевод, полностью передающий смысл оригинала. Это известная проблема непереводимости.

Возможны разные пути преодоления этой проблемы. Первый, самый простой и популярный, — дать сухой подстрочник текста, предложив для специальной терминологии наиболее близкое соответствие из языка перевода. Такой перевод может либо иметь некоторую литературную обработку, которая сглаживает шероховатости стиля и сделает его удобочитаемым, либо нет. Многие особенности оригинального текста и авторской концепции при таком подходе будут неизбежно потеряны для читателя, но перевод сможет дать ему общее представление о переведенном тексте.

Второй подход назван его автором — А. В. Смирновым — логико-смысловым⁸. Он стремится решить проблему непереводимости за счет выявления закономерностей, которые отвечают за инаковость по отношению к переводчику того культурного субстрата, в котором возник переводимый текст. Инаковость, в соответствии с логико-смысловой теорией, возникает по причине наличия разных способов формирования осмысленности, которые детерминируют инаковость мышления представителей разных макрокультурных ареалов. Соответственно, адекватность перевода, с точки зрения логико-смысловой теории, требует выявления логико-смысловых оснований в построениях автора

⁸ Подробнее о логико-смысловой теории и ее приложении к переводу инокультурного текста см. [Смирнов 2001; 2015; Ибн Араби 2014].

переводимого текста и интерпретации этого текста в соответствии с обоснованным выбором той или иной логико-смысловой парадигмы. В качестве критерия адекватности такого выбора А. В. Смирнов предлагает логическую непротиворечивость текста, полученного в результате интерпретации, основываясь на допущении того, что классический текст не может содержать внутренних логических противоречий, и в случае адекватного понимания он не требует *ad hoc* гипотез для объяснения трудных мест текста.

Третий заключается в стремлении к объективности интерпретации материала, при осознании недостижимости этой цели. Эта цель является вектором устремлений исследователя, но его задачей является не столько предельно точная передача смысла авторского текста, сколько сведение к минимуму количества тех искажений, которые неизбежно возникают, когда содержание одной культуры передается средствами другой культуры. Этим третьим подходом мы и руководствовались при подготовке перевода поэмы.

Мы попытались свести к минимуму возможные смысловые абerrации за счет опоры на комментаторскую традицию, которая ближе к исследуемому памятнику, чем мы, и исторически, и культурно. Это, конечно, вовсе не гарантирует того, что возможные искажения в понимании текста, возникшие на более ранних этапах его изучения, не будут транслированы в текст перевода. Для того чтобы подвергнуть сомнению адекватность интерпретации текста Шабистари уже в классических средневековых толкованиях, довольно того, что автор поэмы «Цветник тайны» и его комментаторы принадлежали к разным направлениям ислама: Шабистари был суннитом, а все его комментаторы — шиитами. И все же они были ближе к нему, чем переводчик-европеец XXI в. Ближе не только потому, что жили в одну историческую эпоху. Они все были суфиями, и шиитско-суннитские противоречия для большинства из них (а в отношении самого Шабистари об этом можно говорить с уверенностью) имели по меньшей мере второстепенное значение, в силу того, что целью усилий суфия является достижение божественного единства, а стремиться к достижению этой цели могут в равной степени представители всех мазхабов.

Осознавая все упомянутые сложности перевода, мы стремились свести к минимуму возможные искажения за счет, во-первых, осторожного обращения с комментариями, особенно в тех местах, где видны специфические шиитские трактовки, очевидно, чуждые Шабистари, а во-вторых, за счет использования максимального количества доступных комментариев к поэме. Сопоставление разночтений

и непосредственно в тексте поэмы, и в толкованиях, данных разными авторами, хочется надеяться, позволит читателю увидеть текст «Цветника тайны» если не глазами самого Шабистари, то глазами людей, принадлежавших к той же культуре, что и автор. Однако далеко не все в нашем переводе и комментарии можно свести к персоязычным толкованиям. Мы расширили контекст рассмотрения памятника за счет привлечения материала из доисламского наследия Ирана, а также осуществили категориальный анализ произведения (см. Часть II «*Алфāз*» из книги «Мир смысла в немногих словах...» [Лукашев 2020]), что позволило провести параллели с другими аспектами творчества средневекового автора.

Еще одним средством для того, чтобы свести к минимуму смысловые искажения перевода, стал подробный комментарий, в котором мы не только разъясняем специальную терминологию и сложные места, но в отдельных случаях, где это необходимо, восстанавливаем историко-философский и культурный контекст, в котором возникли рассматриваемые идеи.

Описанная стратегия была выбрана нами не потому, что она объективно лучше, чем первые две. Это не так. Существует значительное число текстов, не получивших разъяснения в традиции, и здесь исследователь не может опереться на лучшее основание, чем идея логической непротиворечивости оригинала. В случае с поэмой Шабистари мы располагаем «голосом традиции», который не просто доступен для использования, — мы не можем его игнорировать.

Основными классическими комментариями, на которые мы опирались при подготовке перевода и примечаний к нему, являются тексты Мухаммада Лахиджи [Лахиджи 1371], Шаха Даи [Даи 1377], Илахи Ардабили [Илахи 1376], Саин ад-Дина Турка [Турка 1375]. Основой же для перевода послужило критическое издание поэмы, выполненное Казимом Дизфулийаном⁹. Это издание было нами сверено не только с основными классическими и современными толкованиями, но и с другим авторитетным критическим изданием, подготовленным Ахмадом Муджахидом и Мухсином Кийани [Шабистари 1371]. Оно содержит отрывки, отсутствующие в тексте Дизфулийана, и его материал существенно обогатил нашу работу. Кроме того, перевод был сверен с текстом поэмы «Цветник тайны» из собрания сочинений Махмуда Шабистари, подготовленного Самадом Муваххидом

⁹ Все основные комментарии к поэме подробно рассмотрены в первом томе настоящей работы.

[Шабистари 1365]. Мы постарались в своем комментарии указать значимые для перевода различия¹⁰.

Казим Дизфулийан в настоящее время является ведущим специалистом по творчеству Шабистари в мире. Он подготовил критическое издание *шарха* к поэме Саин ад-Дина Турка, а его собственное толкование поэмы «Цветник тайны» выполнено на основании текстов пяти весьма авторитетных классических *шархов*, в том числе и текста Баба Ниматулла бин Махмуда Нахдживани, известного как Шейх Ульван. Этот текст в настоящее время хранится в библиотеке Тегеранского университета в виде рукописи. Соответственно, критическое издание поэмы Махмуда Шабистари «Цветник тайны», выполненное Казимом Дизфулийаном, предлагает читателю уникальную возможность познакомиться и с этой весьма редкой версией классического текста.

Остальные средневековые толкования — Саин ад-Дина Турка, Шаха Даи, Мухаммада Лахиджи и Илахи Ардабили были в разной мере использованы нами при подготовке комментария к сложным местам поэмы. Основным для нас стало толкование поэмы, предложенное Мухаммадом Лахиджи (ум. 1506/7 г.) ввиду того, что его текст отличается наибольшей подробностью и оказал определяющее влияние на всю последующую традицию комментирования поэмы.

При этом наш собственный комментарий не является простым компилированием классических *шархов*. В комментарии частично восстановлен историко-философский, религиозный и культурный контекст, в котором возникло сочинение Махмуда Шабистари. Нами были использованы тексты как исламской, так и иранской доисламской литературы. Учитывая богатство содержания средневекового памятника, мы сочли необходимым не ограничиваться его филологическим комментарием, но дать максимально подробные примечания, которые позволили бы читателям разной степени компетентности получить достаточно полное представление о содержании «Цветника тайны», о тех идеях, которые стремился донести до нас средневековый автор.

Классические комментарии, на которые мы опирались при работе с текстом, сами являются средневековыми текстами, сложными для понимания не только представителей западной культуры, но и современных иранцев. Соответственно, в отдельных случаях, сложные

¹⁰ Мы также сверяли перевод с основными англоязычными переводами поэмы — [Darg 2007; Wienfield 1880].

места, не нашедшие своего разъяснения в средневековых толкованиях, были рассмотрены в современных комментариях к поэме, которые также были использованы нами в работе по переводу и комментированию памятника.

Основными современными комментариями, на которые мы опирались, стали тексты Казима Дизфулийана [Шабистари 1389], Бихруза Сарватийана [Сарватийан 1384] и Алама Табатабаи [Табатабаи 1383]. Кроме того, весьма полезным материалом для подготовки перевода и комментария к поэме стал прозаический трактат Махмуда Шабистари «Верная Истина...» (*Хаққ ал-йақин...*), который в достаточно простой форме разъясняет основные положения философии Шабистари. Его текст позволил истолковать сложные места поэмы, которые допускают двоякую трактовку. Перевод двух глав из этого трактата мы приводим в книге «Мир смысла в немногих словах...» [Лукашев 2020].

Учитывая то, что перевод выходит в свет как двуязычное издание, включающее персидский текст поэмы, мы воздержались от приведения в переводе терминов на языке оригинала — все они присутствуют в персидском тексте, и компетентный читатель без затруднений сможет к ним обратиться. В комментарии же приводятся ключевые термины в кириллической транслитерации, в соответствии с требованиями серии «Философская мысль исламского мира». В ее основу легла система транслитерации, предложенная Х. К. Барановым. Из особенностей ее применения к персоязычному тексту следует указать на то, что буква *хāй-i хаваc* (ح) в конечном написании таких слов, как, например, *خانه, نامه*, передается как «а» — «хāна». Огласовки «*фатха*», «*каса*» и «*дамма*» передаются как «а», «и» и «у» в соответствии с классическим чтением.

В заключение хотелось бы выразить благодарность всем, кто оказал автору перевода неоценимую помощь и поддержку в работе над книгой. Марина Львовна Рейснер инициировала мою работу над поэмой Шабистари, Янис Эшотс своими ценными замечаниями помог преодолеть целый ряд трудностей при переводе и исследовании текста, а также предоставил в мое распоряжение ключевые толкования к поэме. Мои друзья и коллеги из Сектора философии исламского мира помогали улучшать работу на разных ее этапах. Мои дорогие иранские друзья: проф. Гуламриза Авани, Хамид Хадави — также внесли неоценимый вклад в работу, с большим терпением и компетентностью отвечая на все мои вопросы. Я искренне признателен моему дорогому коллеге Герхарду Боверингу, взявшему на себя труд по обеспечению меня экземпляром собрания сочинений Шабистари.

Я также глубоко признателен Наталье Юрьевне Чалисовой, научному редактору перевода поэмы, за неформальное отношение к моему тексту и многие ценные замечания. Однако никакими словами не выразить мою признательность Андрею Вадимовичу Смирнову, который указан в данной книге как ответственный редактор серии, но сделал для выхода книги в свет гораздо больше того, что предполагает эта роль.

Научное издание

Серия «Философская мысль исламского мира»

Переводы

Том 4

Махмуд Шабистари

«ЦВЕТНИК ТАЙНЫ»

(персидский текст поэмы, перевод, комментарий)

На с. 32, 341 даны соответственно страницы 1, 34 рукописи поэмы Махмуда Шабистари «Цветник тайны» из собрания библиотеки Исламского консультативного совета ИРИ (номер рукописи: 4140). Датировка рукописи — 1283 г. с. х. (1906 г.), переписчик — Дарвиш Аштийани, почерк — *наста‘алиқ шикаста*.

Дизайн обложки Я. Быстровой. Корректор Т. Кречко

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 10.11.2020. Формат 60×90/16.

Гарнитуры: IPR Astra Serif; Mitra. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 300 экз. Заказ №

www.sadrabook.ru